

Не хочу о чем-то догадываться, хочу знать

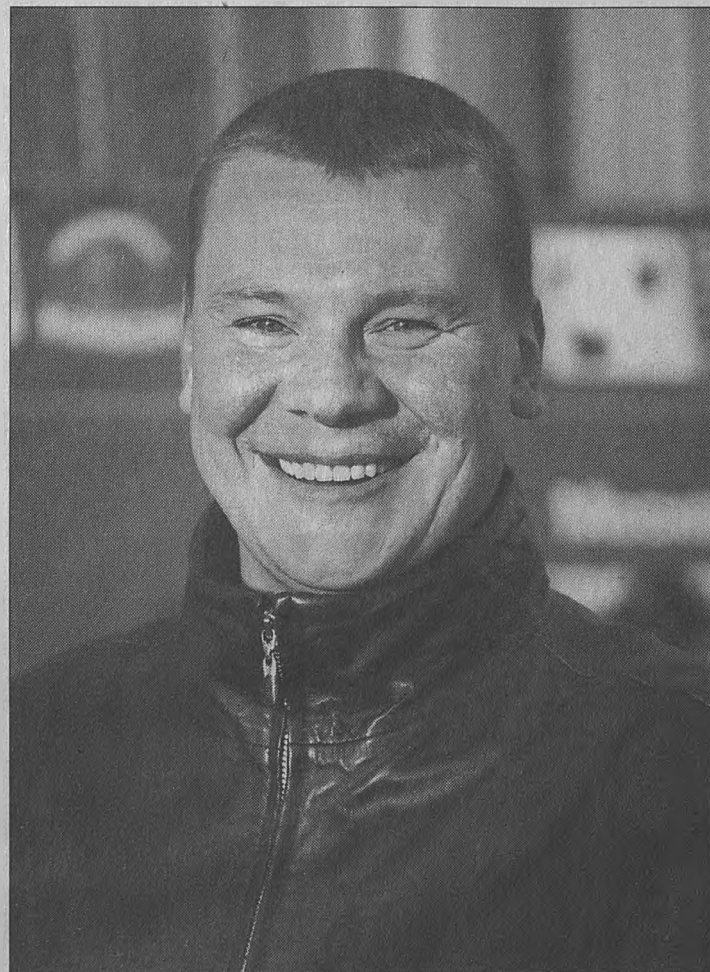
Когда ребенок с 8 лет большую часть своей жизни проводит на стемочной площадке, играя главные роли, куда ему идти учиться? Конечно, на артиста. Так Владислав ГАЛКИН и поступил. Мамы — художник — была против, папа — актер Борис Галкин — не возражал. Впрочем, родители никогда не давили, не поучали, не наказывали. Не наказали, когда в четырехлетнем возрасте, играя в войну, сын наградил всех пацанов орденами и медалями деда, а зарплату выдал коллекционными монетами. Потом настала очередь маленьких машинок, и они стали подарками для сверстников. Не пострадала мамина коллекция сувенирной, миниатюрной обуви. Это не блестело, не каталось и поэтому внимание не привлекло, равно как и архив деда с эскизами панорамы Бородинского сражения. Дед Петр был одним из ее авторов, своими руками с помощью маленькой дочери сделал многие экспонаты. Влад рос любопытным ребенком. Увидев первый раз аккумулятор, он сунул палец в одну из клемм и попробовал на вкус соляную кислоту. В дендрарии, в Сухуми, собрал скорпионов, положил их в пачку из-под сигарет и взял с собой в машину. Скорпионы распознались по всему салону, а так как дело было в мае, когда их укусы смертельны, надо было видеть, что стало с пассажирами.

— Я с восьми лет находился среди чужих взрослых людей, которые без снисхождения считали, что ты хоть и ребенок, но — на работе. И должен вкалывать. Во мне не было детской беззаботности, может быть, поэтому складывались замечательные отношения с учителями. Я ничего не смыслит в точных науках, но учитель физики по прозвищу Африкан — он был двухметрового роста, с вьющимися волосами и смуглой кожей — очень любил слушать мои умозаключения по поводу физических процессов. Сложнее было на уроках истории. Я знал многое из того, что не писали в учебниках, вставал и говорил: “Это было не так”. В какой-то момент историчка сказала: “Владислав, давайте договоримся: или вы будете молчать, или вообще не приходите”. Я учился два-три месяца в году, так что учителя не особенно страдали из-за меня.

Старался использовать время на

полную катушку. Паузы между картинками составляли месяца три, и я, что называется, стоял на ушах. Помню, в четырнадцать лет вернулся после съемок, а тут хэви-металл, хард-рок, “Кисс”. Я вывернул пиджак наизнанку, и вскоре вся атласная подкладка была исписана. Потом выкрасил волосы в три цвета. Патлы торчали в разные стороны. Проколот ухо, носил серьгу, перстни. Только потом узнал, что мама была в ужасе, но ничего мне не говорила. Боялась, что из духа противоречия я прохожу в таком виде долго.

— Вы сыграли Гекльберри Финна в картине Станислава Говорухина “Приключения Тома Сойера”. Потом были роли в фильмах: “Этот негодяй Сидоров”; “Последний подарок феи”; “Груз без масклинки”; “Жил отважный капитан”; “Золотая цепь”. На момент окончания школы — 13-14 работ в кино, почему же не пошли во ВГИК?

В. Галкин

— Я поступал в Щукинское. Там учился отец, и я знал, что это хорошее училище. Учился у Альберта Григорьевича Бурова. Мне было очень приятно, когда месяца через два ко мне подошел педагог и сказал: “Что ж ты не сказал при по-

ступлении, что ты — Борин Галкин”. Хотя и пишут в дипломе: “Актер театра и кино”, практически все театральные училища категорически против съемок. Педагогам хочется, чтобы студентам что-то удавалось, но, когда им что-то удается, начина-

ется ревность: “Это же я тебя всему научил”. Но ведь научить нельзя, если человек сам ничего не делает!

— На вашем счету около тридцати картин, а популярность принесли “Дальнобойщики”. Хотя, кажется, сериалы сейчас принято ругать...

— Я не понимаю ажиотажной борьбы с сериалами. Говорить о том, что сериал — это плохо, в принципе неверно. Плохо, когда снимается в день по серии или дается пять дней на серию с драками, погонями, трюками. “Дальнобойщики” — хороший сериал. Нас с Юстухиным обозвали: “Два куска руды”. Так это здорово! Два человека, два характера, нет ничего придуманного.

— А в “Спецназе” тоже нет ничего придуманного? Говорят, что если бы у нас был такой спецназ, война бы не только быстро закончилась, она бы вообще не начиналась.

— Наш спецназ еще круче, чем показано на экране. Знаю об этом не понаслышке. В нашем спецназе есть подразделения, которые не имеют аналогов в мире. Я бы сделал картину еще похлеще, еще понавороченнее. Почему великая страна поливает грязью собственную армию и предает спецназ? Отец ездил несколько раз в Чечню. Снимал. Он привозил такой материал, что волосы вставали дыбом.

— Для фильма вы специально осваивали оружие?

— С оружием знаком неплохо. Стреляю практически из всех его видов. Я достаточно экстремальный человек. Не хочу о чем-то догадываться, хочу знать. Люблю все попробовать. С парашютом попрыгать, с аквалангом поплавать. Мне нравится все уметь, и чем шире круг моих интересов, тем проще мне работать.

— Значит, трюки выполняете сами?

— В основном стараюсь сам, но многое сейчас делают каскадеры — правда, все по старинке. Во всем мире эта профессия очень технологичная, ориентированная на хорошее оборудование, защитную одежду, систему страховки. Каскадер падает с десятиметровой высоты на огромную надувную подушку. А у нас все еще кладут картонные коробки. В “Дальнобойщиках” снимался эпизод, когда машина выезжает на крутой обрыв. То, что она не сорвалась вниз, — чистая случайность. Для безопасности не было сделано ничего. Нет, чтобы рассчитать плотность грунта, выяснить, выдержит ли край обрыва вес КамАЗа, все наобум: “Давай попробуем?” За рулем сидел испытатель Роман, профессионал, мастер. С одной стороны, восторгаться каскадерами, с другой — думаешь: “Какого черта?! Кому нужен такой средневековый азарт?” Постановщик трюков составляет смету на 300 тысяч, а ему говорят: “Вот тебе 30 тысяч”. Он садится и прикидывает: “Вот здесь на этом сэкономим, а здесь — на том”... Все это кончается травмами.

— Вы сыграли Таманцева в фильме “В августе 1944-го” и получили за эту роль “Нику”. Можно ли считать эту работу любимой?

— Для меня все роли, которые я играл, даже неудачные, — любимые. Потому что это часть жизни, силы, которые ты истратил на фильм. Я очень люблю фразу отца: “Степень одаренности артиста зависит от степени влюбленности в материал”. Я очень давно прочитал книгу Богомолова “Момент истины”. Болел этим героем, потому что вся энергия романа, двигатель сюжета — это Таманцев. Работали тяжело. Был спровоцирован конфликт между режиссером и автором. В результате Богомолов убрал свое имя из титров. Картину как будто преследует рок. Уже после выхода “Августа” на экраны ре-

жиссер Михаил Пташук погиб в автокатастрофе. Но картина получилась. Она актерская, что немаловажно.

— Вы с отцом играли в фильме “Черный клоун”. Многие не любят работать с родными.

— На этой картине отец был еще и режиссером. Мы очень чувствуем друг друга. Это спасало от упрямства с обеих сторон. Каждый имел право сделать замечание. Между нами никогда не было ни ложных восторгов, ни скрытого недовольства.

— Ваш отец сейчас где-то снимается?

— В течение нескольких лет он занимался продюсерской деятельностью на семи картинах. Ему сейчас тяжело, потому что все изменилось. Он растерян, говорит: “Я берусь читать сценарий, а он даже не литературный. Спрашиваю: “А что здесь будет?” Мне отвечают: “Не волнуйтесь, это мы в процессе съемок выясним!”. Раньше сценарий утверждали до начала съемок, а сейчас снимают сериал в сорок серий, а в наличии есть только пять. Остальные пишут в разгар работы. Артисты порой не знают, с чего начинается история его героя и чем заканчивается.

— Как вы думаете, когда артисту жилось легче?

— Финансово сейчас, профессионально тогда. Было время войти в процесс, не было бешеной гонки. Существовали ставки, человек не думал, сколько ему заплатят. Сейчас артист выходит на площадку с мыслью: не продешевил ли он? Есть масса и других проблем, которые мешают работать.

— Вы снялись у Владимира Хотиненко, своего наставника во ВГИКе, в фильме “По ту сторону волков”.

— Это мистический детектив, где я играю милиционера. Произойти убийства, и моему герою надо найти убийцу. Есть такой городок Торопец в 420 километрах от Москвы. Разруха

патологическая, нищета несусветная, а вокруг сотни озер, леса, красота неописуемая. Построить бы турбазы, от туристов отбоя не будет, но руководству города это невыгодно. Как только начнется строительство, из Москвы начнут ездить, узнают, что они творят, и кончится “сладкая жизнь”. Мне людей жалко. К ним много лет никто не приезжал, а тут киношники. Они нас спрашивают: “Про что кино?” Мы говорим: “Сорок шестой год”. Они только головами покачали: “Вот в том времени мы и застряли”. Там действительно стоят такие полуразвалившиеся дома, как будто после войны не прошло более полувека.

— Владислав, вы получили диплом режиссера и положили его в шкаф?

— Нет. Приобретаем опыт и профессиональные навыки. Всемое время. Недаром в былые времена молодых людей не принимали на режиссерский факультет. Была установка, что нужно иметь человеческий опыт, понимание жизни. Сейчас у человека нет ни опыта, ни сформировавшегося мировоззрения, а он уже считается режиссером. Вот это отсутствие профессионализма при безумном количестве амбиций и порождает тот рынок, который мы на сегодняшний день имеем.

— Ни для кого не секрет, что актриса Дарья Михайлова — ваша жена. Вы ее эффектно похищали в “Дальнобойщиках”? А в жизни тоже приходилось это делать?

— Я похитил ее у нее самой. Убедил, что мы должны быть вместе, и три года совместной жизни доказали, что я был прав. Если и буду снимать кино, то только ради нее.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ